

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.,
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.
Съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на полгода
3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 12.
17 МАРТА
1891-ГО ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Арбатъ, Серебряный переулокъ
домъ Николаевенской церкви, квартира протоіерея
Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: за строку, или мѣсто строки
за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Поученіе въ святой и великій пятокъ св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго. Внутреннія извѣстія. Иностранныя извѣстія. Мисіонерскій отдѣлъ. Записки мисіонера Киргизской мисіи игумена Владиміра (Синьковскаго) за 1890 годъ. Наброски мыслей по поводу мнѣнія д-ра богословія Визе о преподаваніи Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Извѣстія и замѣтки Отъ Совѣта Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія. И. В. Рождественскій (жизнеописаніе). О рисованіи. Пожертвованія.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ СВЯТОЙ И ВЕЛИКОМЪ ПЯТОКЪ *)

*Иже во Святыяго отца нашего, Дмитрія Митрополита
Ростовскаго.*

*Воини сплетше оунецъ отъ тернія, возложиши на главу
сво.*

Словеса суть святаго Евангелиста Матѳеа.

Пишется въ пѣснѣхъ пѣсней о царѣ Соломонѣ, изобразившемъ Христа Господа. Дщери Сиона, изыдите и видите царя Соломона въ вѣнцѣхъ, въ немже вѣнча его мати въ день женитвы его, и въ день веселія сердца его. Но мы той день нарещи имамы день плача, а не день веселія, въ онъ же, егда сонмище жидовское возбѣсившееся вѣнчаетъ Христа не яко мати Соломона, но яко лютоѣйшая матеа, не златымъ вѣнцемъ вѣнчаетъ его, но терновымъ, якоже сказуетъ Евангелистъ Матѳеи, глаголя: *воини сплетше оунецъ отъ тернія возложиши на главу Его.* О Христе мой, царю царствующихъ, и Господи господствующихъ, како вѣнчаеши терніемъ удивляюся и недоумѣю, лучшебъ тебѣ вѣнчатися вѣнцемъ онымъ, о немже глаголетъ псаломникъ: положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна, или того ради вѣнчаеши вѣнцемъ терновымъ, исполнити хотя въ пѣсни пѣсней реченное, азъ цвѣтъ полный и кринь удолий и тако бо кринь посреди тернія, или еще того ради, егда по грѣсѣ Адамлі повелѣ Богъ земли раждати терніе, знаменуемое грѣхи наша. Ими же мы прободаемъ главу самого Творца нашего, якоже глаголетъ ижекто отъ премудрыхъ. В томъ терновомъ вѣнцѣхъ взяты Господь терніе грѣховъ нашихъ унвенное во главѣ своей. Возлюбленный слышателью, якоже вѣнцемъ терновымъ уязвленъ бысть Спаситель нашъ отъ нечести-

ваго Иудейскаго сонмища, тако уязвляемъ бываетъ и нынѣ отъ Грѣховъ и беззаконій нашихъ, яко вѣнцемъ терновымъ, зане грѣси уподобляются тернію.

Христе Спасителю насъ ради плотію пострадавый, даждь ми слово о Твоихъ страстяхъ слушателемъ же разумное вниманіе, видящи во время страданія в таковыхъ великихъ мукахъ Христа Спасителя нашего, подобаетъ со пророкомъ Іереміемъ вопити: кто дастъ главѣ моей воду, и очима моима источникъ слезъ: да плачу день и ночь поносный смерти Господа моего Исуса Христа. Слушателю православный узриши, яко отъ ногу даже до главы нѣтъ въ немъ цѣлости, все тѣло Его пречистое уязвиши грѣси наши, якоже самъ у Іова глаголетъ: всю плоть мою обдержатъ болѣзни. Здѣ разсудати подобаетъ: якоже день веселія царя Соломона можетъ назваться время вѣнчанія Христа терноваго и всѣхъ страстей Его. Сего ради, якоже глаголють учителя: аще тѣло Христово розгами, бичами, такожде и терніемъ, и иными муками удрученное, жалость и болѣзнь велію на себѣ показоваше, обаче сердце его радостію объято бѣ, зане страждетъ муки спасенія ради человѣческаго. Окаянный чловѣче, познай здѣ велію любовь къ тебѣ Христа Сына Божія, тебѣ ради страдавшаго, тѣмъ же речемъ: Исусе Христе Спасителю нашъ почто на главу пріемлеша вѣнецъ терновый; мною того ради, да насъ на небеси златымъ вѣнцемъ увѣнчаеши, достояше убо намъ терновый, грѣшникомъ сущимъ. По словесѣхъ онѣхъ къ праотцу нашему реченныхъ: терніе и волчець родитъ тебѣ: а тебѣ яко невинному подобаше златый: Якоже глаголетъ святой Іоаннъ Богословъ во Апокалипсіи (sic). видѣхъ и се облакъ свѣтелъ и на облацѣхъ сѣдай, подобенъ сыну чловѣческому, имѣя на главѣ своей вѣнецъ златый, но Ты великія ради къ намъ любве пріемлеша на себе вѣнецъ терновый, на насъ же возлагаеши златый, по онѣхъ словесѣхъ псаломника: положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна. Кто же устрои се; любовь. Якоже глаголетъ святой Апостоль Павелъ: вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ.

Пишется въ книгѣ *Огородку*. Соломонъ царь иошаше на

*) Изъ рукописи, хранящейся въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ книги 1-й л. 72. Сообщена преосвященнымъ Амфилохіемъ епископомъ Угличскимъ.

ругѣ своей таковой перстень, имущъ на себѣ два вѣнца, терновый единъ, другій золотой, но купно между собою во едино сплетени суть. Той перстень отъ единой страны имаше таковое надписаніе: побѣда любви, а отъ другія страны любви познанная крѣпость. И егда царица Савская приде к нему, узрѣ той перстень, и присмотрѣвшись на него вопрошаше: что бы то въ немъ бѣ за таинство? отвѣща: вѣнецъ золотой Христовъ, яко Богъ есть, терновый же вѣнецъ, яко человекъ есть; тако бо ста крѣпко противу Бога, яко с небесе на землю привлече его, еже знаменуетъ написаніе любви познанная крѣпость; егда вѣнчаютъ царей земныхъ, обыче народъ глаголати, да живеть царь. Здѣ же оле безстудія егда же вѣнчаютъ Царя Небеснаго весь народъ вопіеть: распни, распни его. Ты же Препоблагословенная Дево егда Ты его во чревѣ своемъ, въ тѣло свое яко в вѣнецъ царскій украшаше его, что тогда за пѣніе слышала еси. вѣмъ яко слышала еси пѣніе ангельское сіе: радуйся благодатная, Господь с тобою. А здѣ егда мачиха, сонмище реку жидовское главу Сына твоего украшаетъ в терновый вѣнецъ, что за гласъ слышиши, токмо сей, распни, распни его. О люди препоблагословенная здѣ елико гласовъ изъ устъ проклятыхъ жидовъ исхождаше, толико мечемъ до сердца твоего вхождаше, елико ранъ пресвятое тѣло Сына твоего понесе, толико ты мечемъ на своемъ срдцѣ понесла еси. И тако очи твои изведоша облако водъ кровавыхъ, якоже лияшеся изъ ранъ Сына твоего, о иреблагословенная Дѣво, приличны тебѣ быша тогда сіи словеса; якоже пишется въ пѣснехъ иѣсней реченное: уязвилъ еси сердце сыну мой, уязвилъ еси сердце мое возлюбленный мой, при той же коронаціи взятъ Христосъ и трость в руцѣ своей, якоже глаголетъ Матѳеи святой, и сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша на главу Его и трость въ десницу Его. Что убо тогда бѣ за таинство; первое, да напишетъ его святотатство жидовское, второе яко трость зміемъ смертна есть, да покажетъ, яко чрезъ него адскій зміи пораженъ будетъ. Кая (?) тако до разумѣваются, яко то стрѣлу даютъ ему в руцѣ, да бывшу на крестѣ пригвожденному от распятаго тѣла своего, аки от напряженнаго лука, поразить душевныхъ и тѣлесныхъ враговъ нашихъ. Сего бо ради и глаголетъ псаломникъ *мукъ свой напряже* и в немъ уготова сосуда смертныя, а если речете, что за тайна, егда убо даша трость въ десницу Христа Спасителя, закрываютъ Ему очеса Божественная: отвѣщаю тако. Праотець нашъ Адамъ, не имѣяше во очесѣхъ своихъ стыда, егда на красное в рай яблоко воззрѣ, безстыдно: закрываютъ убо очеса второму Адаму Христу, да стыдомъ своимъ безстудство праотца нашего понесетъ. И егда убо довольно поругашася Христу Господу нашему, совлекоша с Него багрянницу, и облекша Его въ ризу Его, чесо ради, глаголетъ Амвросій святой, восходящи на крестъ царскія слагаетъ одежды, да вѣси, зане яко человекъ терпяше, а не яко Богъ: потомъ же даша Ему крестъ, и ведоша Его на гору Голгоѳу, яко же глаголетъ евангелистъ святой Іоаннъ. Поемше Исуса, ведоша и нося крестъ свой, изыде на мѣсто глаголемое лобное и тамо распяша Его. О многогрѣшный человекъ! Аще здѣ не умилиши слезе, видя Создателя своего и Господа, волею тако за тя умирающа, то мы еще якоже во страданіи терпя Господь нашъ Исусъ Христосъ наипаче приносимъ болѣзни согрѣшающе, а к покаянію не обращаемся. Слышимъ при страданіи Христовомъ Петра отвергшагося, но скоро со слезами покаявшагося, якоже глаголетъ Евангелие: Петръ же изшедъ плакася горько: азъ же глаголю вамъ; всякъ бо творяй грѣхъ отвращается Христа и падаетъ паденіемъ лютымъ.

Мы же возлюбленніи аще и падемъ каковымъ либо паденіемъ ко грѣху, но не отчаеваемъ своего спасенія, абіе убо аще услышимъ гласъ пѣтеля, сирѣчь проповѣдника слова Божія и учителя, или паки внутреннее надхвненіе святаго духа, тогда абіе да встаемъ на покаяніе, и горько да плачемъ, яко же грѣхопаденія нашего, и сія зрящи Христосъ умилосердится о насъ, и приметъ покаяніе наше, яко Петрово, да не подражаемъ отчаяніемъ Іуды предателя. Той бо егда предаде Христа Господа учителя своего, и отчаявся спасенія своего, шедъ удавился. При сицевомъ страшномъ погубленіи Іудинѣ, должни есмы прилѣжно смотрети, братіе, яко Іуда покася, рече бо согрѣшихъ предавъ кровь неповинную, еще же и сребренники повергъ: чесо ради не вмѣнися ему в покаяніе. Запе же кася съ отчаяніемъ, не имѣя надежды о милосердіи Божіи и рече якоже и Каинъ иногда рече: большая вина грѣха моего паче благодати и милости Божіей. О проклятый Іудо! аще и повергъ еси сребренники, но отчаяніемъ шедъ удавился еси, глаголю же вамъ братіе моя, аще нынѣшніи лихоимцы, разбойники, татіе, душегубцы, и вси, иже чуждая и церковная имѣнія похищающіи, аще не возвратятъ похищеннаго, и не покаются сокрушеніемъ сердца, сіи вси со Іудою своимъ патриархомъ осуждаются в смерть вѣчную. О злобное терніе грѣховъ нашихъ, его же породе проклятая земля сердца нашего, ибо сіе терніе грѣховное Господа нашего збоде и уязви и мукъ и болѣзней приложи Ему, запе той грѣхъ ради нашихъ поболѣ, и болѣзни наши на тѣлѣ своемъ понесе, и раною Его мы вси исцѣлѣхомъ. Не достоинъ убо намъ грѣхами своими второе распинати Господа своего, якоже и Павелъ блаженный глаголетъ ко грѣшникомъ, второе себѣ Сына Божія распинающе, но сохрани наст Господи Боже нашъ отъ сихъ; аще бо доселѣ работахомъ грѣху, но отъ нынѣ Тебѣ Христу Спасителю нашему служить хожемъ во вѣки. Имаша Христе въ руку Твою данную Ти трость, имаша и киноваръ кровь свою предражайшую, молимъ да премѣнится убо трость в трость книжника скорописца, ею же бы вписалъ насъ за рабовъ вѣчныхъ своею кровію искупленныхъ, въ книги своего вѣчнаго царствія тамо Тебе хвалити со Отцемъ, купно и Святымъ Духомъ въ Троицѣ единаго Бога во вѣки. Аминь.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Путешествіе Государя Наслѣдника. Миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ. Мѣры противъ пьянства. Возобновленіе древняго Николаевскаго братства въ Прибалтійскомъ краѣ. Новая конверсія. Сельскіе комитеты общественнаго здравія. Новый уставъ Академіи наукъ. Постройка Сибирской желѣзной дороги. Новыя правила для желѣзнодорожныхъ станцій. Примѣненіе правилъ объ отвѣтныхъ телеграммахъ. † П. Г. Рѣдкинъ.

— Официальная телеграмма изъ Бангкока извѣщаетъ, что 8 марта послѣ полудня прибылъ туда благополучно Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и сегодня утромъ послѣдуетъ официальная высадка.

— Святѣйшій синодъ, съ цѣлію разработки мѣръ противъ распространенія раскола и сектанства, призналъ необходимымъ созвать въ Москвѣ съѣздъ миссіонеровъ 29-го іюня 1891 г., предписавъ преосвященнымъ епархій, гдѣ имѣются противораскольническіе миссіонеры или другія лица, вполне знакомыя съ состояніемъ мѣтнаго раскола въ епархіи и опыты въ борьбѣ съ послѣднимъ, предложить миссіонерамъ прибыть къ назна-

ченному сроку въ Москву. На преосвященныхъ возложена забота объ изысканіи мѣстныхъ средствъ на проѣздъ миссіонеровъ въ Москву и обратно.

— *Свѣтъ* сообщаетъ, что въ высшемъ духовномъ вѣдомствѣ въ настоящее время собираются свѣдѣнія о мѣрахъ къ борьбѣ съ пьянствомъ, принимаемыхъ за послѣднее время отдѣльными епархіальными начальствами. Настоящія свѣдѣнія, послѣ ихъ группировки и разработки, послужатъ, какъ слышно, матеріаломъ для составленія особаго, общаго для всѣхъ епархій, постановленія по упомянутому предмету. Среди поступившихъ уже въ духовное вѣдомство данныхъ особаго вниманія заслуживаютъ мѣропріятія къ искорененію пьянства, принятія за послѣднее время тамбовскимъ епархіальнымъ начальствомъ. Съ означенною цѣлью названнымъ начальствомъ постановлено, между прочимъ, открывать въ каждомъ приходѣ общества трезвости, образовывать при церквахъ и школахъ бібліотеки, снабдивъ ихъ книгами и брошюрами, направленными противъ пьянства, и т. п.

— Въ Якобштадтѣ (Курляндск. губ.) 5 марта предсѣдатель Прибалтійскаго братства т. сов. Галкинъ-Врасскій и курляндскій губернаторъ, въ присутствіи ревнителей православія, восстановили существовавшее два вѣка назадъ братство Николая Чудотворца. Сохранившаяся въ Витебской губерніи древняя братская икона перенесена въ якобштадтскій Святодуховскій храмъ крестнымъ ходомъ, при громадномъ стеченіи богомольцевъ.

— Объявлена конверсія всѣхъ невышедшихъ въ тиражъ государственныхъ 5% банковыхъ билетовъ 3-го выпуска (1869 года), 4-го выпуска (1876 года) и 5-го выпуска (1881 года), а равно непересроченныхъ въ 1888 г. 5% банковыхъ билетовъ 1-го выпуска (1860 года), всего на нарицательный капиталъ 184, 198, 350 руб., и съ этою цѣлью выпускаются новыя 4% облигаціи на нарицательный капиталъ въ сто девяносто четыре милліона (194,000,000) рублей кредитныхъ.

— *Новое время* сообщаетъ, что по почину мѣстныхъ врачей, въ болѣе значительныхъ селахъ С.-Петербургской губерніи учреждаются «сельскіе комитеты общественнаго здравія», къ участію въ которыхъ будутъ приглашены учителя и учительницы народныхъ школъ.

— *Гражданинъ* пишетъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ оконченъ разработкою проектъ новаго устава Императорской академіи наукъ, причѣмъ, согласно новому уставу, штатъ академіи будетъ увеличенъ, а настоящія устарѣвшія положенія академіи измѣнены согласно современнымъ требованіямъ.

— *Биржевая вѣдомости* сообщаютъ, что для постройки Челябинско-Златоустовскаго и Владивостоко-Уссурійскаго участковъ Сибирской дороги найдены средства въ бюджетныхъ ресурсахъ текущаго года. Слухъ объ отдачѣ постройки дороги французскимъ и германскимъ банковымъ фирмамъ невѣренъ.

— Министромъ путей сообщенія опубликованы новыя правила для желѣзнодорожныхъ станцій и пассажировъ. Всѣ станціи открываются за два часа до поѣзда и закрываются черезъ часъ послѣ его отхода. Послѣ закрытія станціи могутъ оставаться только пассажиры, не попавшіе на поѣздъ или запоздавшіе. Если станція отдалена отъ города и нѣтъ близко гостиницы, прилично одѣтые пассажиры третьяго класса допускаются въ буфеты перваго. Пассажирамъ въ пути воспрещается оставаться на вагонныхъ площадкахъ, переходить въ другіе вагоны, занимать дамскія отдѣленія, хотя бы пустыя, и раздѣваться въ общихъ вагонахъ.

— Въ *Правит. вѣстникѣ* объявлено, что подателямъ теле-

граммъ, адресуемыхъ внутрь Имперіи и подлежащихъ доставкѣ (и выдачѣ) по назначенію изъ правительственныхъ почтово-телеграфныхъ учреждений, предоставляется оплачивать, требуемый ими на такія телеграммы, отвѣтъ, вмѣсто установленныхъ нынѣ 30-ти словъ, безъ ограниченія числа оныхъ съ тѣмъ лишь чтобы число словъ, превышающее 30, было, во избѣжаніе ошибки, обозначено въ телеграммѣ прописью. Плата же за отвѣты на телеграммы, адресованныя на желѣзнодорожныя станціи или за границу, не должна превышать, какъ и нынѣ, цѣны на телеграммы въ 30 словъ.

— Въ ночь на 7-е марта скончался, на 83-мъ году жизни, бывшій профессоръ московскаго и петербургскаго университетовъ и членъ государственнаго совѣта Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, въ лицѣ котораго русское общество теряетъ одного изъ видныхъ дѣятелей науки, на поприщѣ которой покойный продолжалъ работать до самой смерти.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Празднованіе тысячелѣтія кончины патріарха Фотія въ восточныхъ церквахъ. Латинская пропаганда на востокѣ. Борьба греческой и болгарской народности въ Македоніи. Митрополитъ Наѳанаилъ. Пожертвованія Боснійско-Герцеговинскаго митрополита Николаевича.

— Въ восточныхъ церквахъ день тысячелѣтія кончины знаменитаго патріарха Фотія прошелъ безъ особенной торжественности. Архіерейское служеніе въ этотъ день совершалось по обычаю въ богословской школѣ на островѣ Халки, которая, по преданію, была основана патріархомъ Фотіемъ. Торжество началось наканунѣ вечернею, а въ самый праздникъ была литургія, которую совершалъ одинъ изъ эфоровъ и казначей училища, Германъ, митрополитъ Селиврійскій. Въ Аѳинахъ, въ этотъ день вечеромъ состоялось въ одной изъ залъ университета, въ присутствіи аѳинскаго митрополита и одного изъ членовъ синода, торжественное засѣданіе, на которомъ профессоръ церковной исторіи прочиталъ рѣчь о заслугахъ Фотія для греческой церкви и народа.

— Одна болгарская газета сообщаетъ о состояніи дѣлъ римско-католической пропаганды среди болгаръ Фракіи: именно, въ Адрианополѣ пропагандой открыты въ кварталахъ Киришатъ и Каишъ двѣ церкви, въ первомъ изъ этихъ кварталовъ живетъ и уніатскій митрополитъ. Училище же ихъ находится въ кварталѣ «Калето» (крѣпости). Всѣ учителя и начальство училища — исключительно поляки.

— Борьба между болгарскимъ и греческимъ населеніемъ Македоніи принимаетъ рѣзкія формы. По словамъ турецкой газеты, населеніе одной изъ самыхъ южныхъ губерній Македоніи, такъ называемой, кастурской казы, почти смежной съ Греціею, категорически отказалось признать греческаго митрополита и просить у турецкаго правительства о разрѣшеніи перейти въ вѣдѣніе болгарской епархіи. Въ послѣдніе годы болгарское дѣло въ этой части Македоніи значительно усилилось. Во многихъ населенныхъ пунктахъ открыты болгарскія школы и вытѣснены изъ нихъ греческіе учителя и священники.

— На освободившуюся митрополитскую кафедру въ Пловдивѣ избранъ митрополитъ Наѳанаилъ. Новый митрополитъ, одинъ изъ искреннѣйшихъ приверженцевъ Россіи, въ которой онъ и воспитывался, извѣстенъ своимъ высокимъ образованіемъ и патріотическою дѣятельностію.

— Митрополитъ Босній и Герцеговинскій Леопаевъ сдѣлалъ

въ день святаго Саввы значительныя пожертванія на разныя благія цѣли. На основаніе сербско-православной школы въ Блажцѣ пожертвовано имъ 15,000 гульденовъ; для полученія высшаго образованія двумя учениками изъ дѣтей сербско-православнаго народа—12,000 гульденовъ, сербско-православной общинѣ города Яска—10,000, на основаніе фонда для вдовъ и сиротъ и сербско-православнымъ священникамъ боснійской митрополіи—4000, разнымъ сербскимъ обществамъ, школамъ, церквямъ и т. д.—9000, всего 50,000 гульденовъ.

— Въ Карловцѣ подъ предѣлательствомъ новаго патріарха Георгія Бранковича 23 января состоялось первое общее собраніе православнаго собора. Занятія этого собранія состояли въ разработкѣ вопросовъ по установленію постояннаго сербскаго церковнаго собора. Проектъ этого вопроса былъ разработанъ еще въ 1879 году и представленъ правительству на утвержденіе, но не былъ одобренъ. Новый проектъ требуетъ установленія одной общей программы для управления всей сербской православной церковью въ Венгріи.

— Вѣнскій высшій санитарный совѣтъ обратился недавно съ просьбою къ архіепископамъ и епископамъ въ Цислейтаніи, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ преподавались воспитанникамъ главныя основанія гигиены, чтобы священники могли впоследствии оказывать помощь народу при несчастныхъ случаяхъ.

МИССИОНЕРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА КИРГИЗСКОЙ МИССИИ, ИГУМЕНА ВЛАДИМИРА (СИНЬКОВСКАГО), ЗА 1890 ГОДЪ.

Открытие двухъ новыхъ становъ киргизской миссии. — Покойный Алтайскій миссіонеръ, протоіерей Василій Вербицкій.

Пусть факты говорятъ сами за себя. 1. О желаніи креститься Кокпектинскаго работника 20-лѣтняго Ахмета Дисюмбаева узнаютъ киргизы и на своемъ совѣтѣ рѣшаютъ во чтобы то ни стало не допустить ко крещенію Ахмета. И лишь только послѣдній появился на базарѣ въ толпѣ киргизовъ, какъ вдругъ на шею его очутилась петля изъ опояски, нѣсколько киргизъ схватываютъ Ахмета и тащатъ къ приготовленной заранее лошади. На крикъ Ахмета бѣжитъ его хозяинъ и нѣсколько казаковъ, которые и вырываютъ изъ рукъ киргизовъ жертву ихъ насилія. Но на этомъ дѣло не кончается: неудача лишь только озлила киргизовъ, которые даютъ объ этомъ знать своей власти.

На другой день является къ Ахмету Бій съ понятными, связываетъ его и, сопровождая зуботычинами, отправляетъ въ степь, гдѣ послѣ угощенія побоями держитъ его связаннаго подъ карауломъ, пока клятвенныя обѣщанія Ахмета о нежеланіи креститься и увѣренія въ томъ одного сжалившагося надъ нимъ посторонняго киргиза не заставляютъ Бія освободить Ахмета отъ узъ. Но побои и узы подвинули Ахмета на большую рѣшимость исполнить свое желаніе креститься, которое съ этого времени усилилось у него. Пользуясь темнотою ночи, онъ сѣлъ на лучшую хозяйскую лошадь и умчался по дорогѣ въ Кокпекты. Но опять новая бѣда. Степные грабители (барантачи), встрѣтивъ сѣдока безоружнаго и одинокаго, отнимаютъ у Ахмета лошадь и онъ, опасаясь погони, бѣжитъ пѣшкомъ въ Кокпекты, гдѣ заявляетъ о всемъ станичному атаману, который препровождаетъ Ахмета къ намъ. Послѣ должнаго приготовленія ко крещенію, Ахметъ былъ окрещенъ съ именемъ Арсенія. Юноша оказался добрымъ, смиреннымъ, послушнымъ, работающимъ.

2. Въ селеніи Ельцовскомъ намъ довелось крестить въ этомъ же году одного киргиза Касинбая, 23 лѣтъ, не только вполне усвоившаго бытовую русскую жизнь, но, что всего важнѣе, душою преданнаго вѣрѣ христіанской, всемъ сердцемъ любившаго ее и долго домогавшагося крещенія, о которомъ нами было узнано недавно. Отецъ Касинбая живущій въ этомъ же селеніи джатакомъ, всякій разъ, какъ только узнавалъ отъ мѣстныхъ крестьянъ о намѣреніи своего сына креститься избивалъ его жестоко; не внимая увѣреніямъ Касинбая о ложности слуховъ. Однажды при участіи старшаго своего сына, отецъ такъ избилъ Касинбая, что послѣдній по собственнымъ его словамъ пролежалъ въ юртѣ двѣ недѣли «безъ ума». Никому не сказывая причину пріѣзда нашего въ это селеніе, мы вынуждены были крестить Касинбая ночью. Василій (имя Касинбая при крещеніи), какъ выросшій среди русскихъ, языкомъ русскимъ владѣлъ вполне. При смысленности и жаднѣ познать вѣру христіанскую, Василій легко усвоилъ истины христіанскаго вѣроученія, молитвамъ же онъ давно выучился отъ русскихъ и не рѣдко молился съ ними.

3. Въ третьемъ годѣ крещенъ нами въ Кокпектахъ 22 лѣтній киргизъ Нуртисъ, по свидѣтельству кокпектинцевъ, одинъ изъ лучшихъ работниковъ по честности, трудолюбію, весьма расположенный къ христіанской вѣрѣ и большой охотникъ слушать духовныя бесѣды. Въ прошломъ году Нуртисъ по крещеніи Дмитрій — отправился въ аулъ къ братьямъ своимъ узнать о состояніи своихъ овецъ, отданныхъ имъ на зиму. Лишь только завидѣли киргизы брата своего «Чокунчу» Нуртиса, какъ сейчасъ же набросились на него и поступили съ нимъ такъ, какъ всегда киргизы въ такихъ случаяхъ поступаютъ: послѣдовали, побои, срываніе шейнаго креста и топтаніе его ногами, скидыванія русской одежды и взамѣнъ ея натягиваніе киргизской длинной рубахи и бешмета на плечи, аракчи на голову и кибисъ на ноги; затѣмъ связываніе и бросаніе въ темную юрту, охраняемую карауломъ. Вотъ какой пріемъ ожидалъ беззащитнаго Дмитрія отъ братьевъ его. Но долго караулить надобно киргизамъ, а развязать—уйдетъ опять къ русскимъ. По этому, осѣдлавъ лошадей, братья отправили Дмитрія въ Чугучакъ (пограничный Китайскій городъ), гдѣ закалилъ его одному татарину, возвратились обратно. Но Дмитрій, находясь въ рабствѣ и живя среди татаръ оставался въ душѣ тѣмъ же искреннимъ христіаниномъ, какимъ былъ среди русскихъ, и съ перваго же дня своего новаго жительства обдумывалъ средства бѣгства къ мѣсту духовной своей родины. Какъ человекъ трудолюбивый, онъ въ продолженіи зимы заработалъ столько денегъ, сколько надо было на покупку лошади, на которой и убѣжалъ обратно. Имѣя въ виду, что Дмитрій живя среди татаръ, какъ недавно крещенный, могъ волей неволей, отстать отъ многаго христіанскаго и забыть молитвы, мы приняли его къ себѣ въ работники и можемъ свидѣтельствовать, что усердіе его быть добрымъ христіаниномъ не меньше старанія его къ работѣ.

и 4. Точно такой случай, повторенный дважды, былъ съ ново-крещенымъ мальчикомъ Неофитомъ. Также братья запродали его въ томъ же городѣ одному сарту. Но такъ какъ Неофитъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ жилъ у русскихъ, не имѣя въ живыхъ родителей, то зерно христіанское, воспринятое въ самую лучшую пору жизни въ раннемъ дѣтствѣ, не заглохло въ немъ и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ какихъ жилъ отрокъ Неофитъ, два года находясь среди исключительно однихъ татаръ; и тамъ не оставлялъ онъ усвоенной въ дѣтствѣ привычки молиться въ то время, когда пасъ стада хозяина сво-

его — татарина, доказательствомъ чего послужило знаніе имъ молитвъ, проверенное нами по возвращеніи его съ китайскихъ предѣловъ. И Господь видимо услышалъ молитву отрочати. Однажды раннимъ утромъ Неофитъ, по обычаю, угналъ скотъ своего хозяина на пастбище, съ котораго болѣе не возвратился. Трое сутокъ шелъ онъ по необъятной степи, не имѣя увѣренности идти ли по дорогѣ въ Кокпекты. На четвертыя сутки догоняетъ его офицеръ, ѣдущій верхомъ въ Зайсанъ въ сопровожденіи казака, ведущаго запасную лошадь. Неофитъ объясняетъ офицеру о себѣ и проситъ доставить его въ Зайсанъ. Офицеръ сталился надъ нимъ, привезъ его съ собою и передалъ полиціи, которая и доставила его къ намъ. Радость Неофита была великая когда онъ, послѣ двухъ лѣтъ томительнаго рабства въ далекой невѣдомой странѣ среди невѣдомыхъ ему людей, ярыхъ мусульманъ, возвратился, можно сказать, къ родному гнѣзду. Не меньше и мы радовались, ибо не знали гдѣ находится Неофитъ и живъ ли онъ, а потому радостно встрѣчая его, мы невольно сказали, что сей отрокъ «мертъвъ бѣ и оживе и изгиль бѣ и обрѣтесе».

Прошло два года — и печаль смѣнила нашу радость. Живя у крестнаго своего отца, Неофитъ осенью прошлаго года пошелъ съ киргизомъ работникомъ своего сосѣда за городъ рубить карагайникъ для отопленія, и съ тѣхъ поръ болѣе не возвращался: его постигла та же — участь, какая въ первый разъ, ибо Димитрій видѣлъ Неофита въ Чугучакѣ же, и хотя они узнали другъ друга, но избѣгали встрѣчи и не признавались одинъ другому изъ опасенія, чтобы татарами не было узнано, что они крещенные, — тогда бы горечь жизни ихъ тамъ несомнѣнно усугубилась.

Еще мы могли бы привести факты издѣвательства и насилія *) киргизскаго и татарскаго надъ принявшими вѣру христіанскую но и сказаннаго довольно, чтобы видѣть тѣ условія, которыя служатъ немалымъ препятствіемъ для большаго успѣха киргизской миссіи въ ея дѣланіи, и устранить которыя миссіи не въ силахъ.

Не смотря на такія препятствія, число крещенныхъ увеличивается; въ настоящемъ году крестившихся было болѣе чѣмъ прежде. Увеличеніе это объясняется увеличеніемъ становъ киргизской миссіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАБРОСКИ МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ МНѢНІЯ Д-РА БОГОСЛОВІЯ ВИЗЕ О ПРЕПОДАВАНІИ ЗАКОНА БОЖІЯ ВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Мнѣніе Визе, составившее предметъ обсужденія въ засѣданіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія 15 февраля сего года, какъ оно выражено въ № 7 «Московскихъ Церковн. Вѣдомостей» состоитъ въ слѣдующемъ: а) не нужно учебниковъ по Закону Божію; б) не нужно заучиванія и задаванія уроковъ по этому предмету; в) не нужно экзаменовъ по Закону Божію и вообще никакого официального контроля надъ успѣхами изученія Закона Божія съ одной стороны и преподаванія его, съ другой въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Къ этимъ чисто отрицательнымъ требованіямъ Визе присоединяетъ только одно ту-

*) Въ маѣ настоящаго года въ Семипалатинскѣ былъ убитъ одинъ повокрещенный, трупъ котораго найденъ былъ на берегу Иртыша. Убитъ былъ по несомнѣннымъ признакамъ киргизами. Но не смотря на энергичное разслѣдованіе мѣстнаго уѣзднаго судьи, виновные не найдены.

манное требованіе положительнаго характера — вводить воспитанниковъ въ непосредственное пониманіе Библіи, погружать ихъ въ самый міръ Св. Писанія, отрѣшая ихъ отъ житейской суеты міра сего.

Всякому очевидно, что это мнѣніе иностраннаго и инославнаго доктора богословія настаиваетъ ни много — ни мало, какъ на отнятіи у Закона Божія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ всякаго характера обязательности, требуетъ предоставить изученіе его въ нашихъ школахъ полной, абсолютной свободѣ воспитанниковъ; другими словами, желаетъ узаконенія въ школахъ для дѣтей пресловутой «свободы совѣсти» и при томъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ принято понимать подъ указаннымъ выраженіемъ. Подъ «свободой совѣсти» обыкновенно разумѣютъ свободу того или иного вѣроисповѣданія, свободу частнаго и общественнаго служенія Богу въ духѣ ученія той или иной религіи и, наконецъ, свободу безпрепятственнаго выраженія религіозной вѣры, въ силу ея обрядовыхъ требованій, въ публичныхъ священныя процессіяхъ или церемоніяхъ. Но прозектъ Визе требуетъ для дѣтей-школьниковъ неизмѣримо большаго: онъ настаиваетъ на правѣ для дѣтей безусловной, безграничной свободы вѣры или невѣрія, свободы ихъ воспитывать или не воспитывать себя въ исторической вѣрѣ своихъ предковъ, своего отечества, того народа, къ которому воспитанникъ принадлежит по рожденію. Ясно, что это требованіе свободы вѣры и при томъ въ пользу дѣтей, еще не способныхъ вообще жить и дѣйствовать самостоятельно, свободы вѣры въ томъ періодѣ духовнаго развитія дѣтей, когда они во всѣхъ другихъ отношеніяхъ подчиняются строгому, правильному и постоянному контролю со стороны старшихъ, доходить, что называется, до геркулесовыхъ столбовъ, являетъ собой рѣдкій примѣръ полнѣйшаго абсурда. Если даже въ странахъ, именуемыхъ себя передовыми по просвѣщенію въ свѣтѣ, свобода совѣсти или вѣры признается только теоретически или, какъ говорятъ, въ принципѣ, а на практикѣ ни мало не уважается и постоянно нарушается (вспомнимъ недавнее газетное сообщеніе о запрещеніи австрійскимъ правительствомъ общества распространенія православія среди западныхъ славянъ, и ни исключеніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ англійскимъ парламентомъ изъ числа своихъ членовъ одного атеиста); если наши государственные законы вообще оберегаютъ православіе предъ прочими исповѣданіями христіанства и другими религіями, какъ вѣру народную, отечественную, то всякая мысль заморскаго богослова о допущеніи свободы вѣры или невѣрія для дѣтей во время школьнаго ихъ воспитанія, въ особенности по отношенію къ нашимъ русскимъ среднеучебнымъ заведеніямъ, есть мысль, представляющая собой верхъ нелѣпости.

Напрасно было бы обвинять насъ (какъ мы можемъ предугадывать это со стороны нѣкоторыхъ) въ томъ, что мы приписываемъ мнѣнію Визе нѣчто большее, чѣмъ оно говоритъ, т. е. что мы находимъ въ немъ требованіе безусловной свободы для дѣтей — вѣровать или не вѣровать, котораго оно не выражаетъ. Правда оно говоритъ, что Законъ Божій долженъ быть преподаваемъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ; но только отрицаетъ необходимость задаванія уроковъ по Закону Божію, изученія его по опредѣленнымъ учебнымъ руководствамъ, необходимость экзаменовъ или официального отчета воспитанниковъ въ успѣхахъ по Закону Божію. Но, что все сіе значить? Не значить ли это, что изученіе Закона Божія для воспитанниковъ въ глазахъ его учебнаго начальства должно считаться необязательнымъ, что насажденіе и утверженіе религіозно-правственныхъ убѣж-

деній въ сердцахъ воспитанниковъ должно быть предоставлено исключительно ихъ личной волѣ, совершенно игнорироваться и оставаться вѣдъ всякой оцѣнки со стороны учебнаго начальства, той опредѣляющей общія достоинства воспитанниковъ оцѣнки, по которой они займутъ опредѣленное положеніе въ обществѣ и въ силу этого положенія будутъ вліять на другихъ? Если скажутъ, что Визе не утверждаетъ, чтобъ воспитанникамъ была предоставлена полная свобода ходить или не ходить на уроки Закона Божія; напротивъ, предполагаетъ непремѣнное, обязательное посѣщеніе воспитанниками указанныхъ уроковъ, и съ этой стороны — неукоснительный надзоръ учебнаго начальства за воспитанниками; то это будетъ прямо противорѣчить основной идеѣ, лежащей въ глубинѣ всѣхъ требованій Визе относительно религіознаго воспитанія или образованія дѣтей въ школахъ. Не допуская въ учебныхъ заведеніяхъ ни уроковъ, ни учебниковъ, ни экзаменовъ по Закону Божію, Визе, очевидно, ожидаетъ благихъ результатовъ въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей только отъ безусловной непринужденности воспитанниковъ со стороны ихъ начальства къ посѣщенію и слушанію бесѣдъ законоучителя, отъ занятія ихъ Закономъ Божіимъ единственно въ силу ихъ личной свободной рѣшимости или склонности къ этому дѣлу. Но если такая абсолютная непринужденность въ религіозномъ образованіи дѣтей, выражающаяся въ отсутствіи всякаго отчета со стороны воспитанниковъ предъ законоучителемъ и вообще учебнымъ начальствомъ въ успѣхахъ усвоенія ими уроковъ Закона Божія, должна соединиться во всякомъ случаѣ съ обязательнымъ для воспитанниковъ посѣщеніемъ уроковъ Закона Божія; то въ такомъ случаѣ въ общую непринужденность къ слушанію уроковъ Закона Божія вторгнется опять тоже насиліе, таже принужденность въ дѣлѣ религіознаго образованія дѣтей, противъ которой и поднялъ свое оружіе Визе, въ которой именно онъ и видитъ корень всякаго зла, источникъ всѣхъ недостатковъ существующей системы школьно-религіознаго воспитанія дѣтей. Итакъ мы не ошибочно утверждаемъ, что Визе своими положеніями стоитъ за безусловную свободу воспитанниковъ среднеучебныхъ заведеній въ отношеніи къ вѣрѣ, свободу, которой, благодаря Бога, прямо и открыто не признаетъ еще ни одно просвѣщенное государство ни за однимъ гражданиномъ, даже достигшимъ физическаго совершеннолѣтія и духовной зрѣлости, не говоря уже о дѣтяхъ, поступающихъ въ первый классъ гимназіи или реальнаго училища. Въ виду уже такихъ невозможныхъ требованій для дѣтей со стороны Визе, проектъ его о новой постановкѣ религіозно-нравственнаго образованія въ школахъ, безъ сомнѣнія, предназначенный пройти незамѣченнымъ и на самой его родинѣ, самъ по себѣ не заслуживалъ бы ни малѣйшаго вниманія. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одной нелѣпости, придуманной иноземными учеными, которая бы не встрѣтила у насъ радушнаго пріюта въ средѣ людей, повидимому, не глухихъ, благомыслящихъ и благонамѣренныхъ, — и подобный же пріемъ, говорятъ, успѣла уже найти въ нѣкоторомъ кружкѣ лицъ, небезвліятельныхъ на дѣло образованія нашихъ юношей, и мысль Визе о новой постановкѣ образованія по Закону Божію въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Если это правда, то дѣло получаетъ серіозный оборотъ, и ради предотвращенія гибельныхъ послѣдствій, неразрывно соединенныхъ съ практическимъ осуществленіемъ проекта Визе, намъ кажется, стоитъ указать на еще болѣе частныя основанія несостоятельности разсматриваемаго нами мнѣнія Визе.

Въ напечатанныхъ тезисахъ Визе не видно, что собственно служить общимъ ихъ основаніемъ, какимъ мотивомъ руково-

дится онъ при отрицаніи школьныхъ уроковъ, учебниковъ и экзаменовъ по Закону Божію. Но если при этомъ Визе имѣетъ въ виду, какъ нужно предполагать, пользу, а не вредъ для дѣтей религіознаго образованія дѣтей, то съ несомнѣнностію можно утверждать, что основнымъ мотивомъ для Визе въ этомъ случаѣ служила мысль, что дѣло религіознаго образованія дѣтей пойдетъ несравненно успѣшнѣе, сѣмена законоучительства заададутъ въ сердцахъ дѣтей гораздо глубже и окажутся плодотворнѣе, если это законоучительство потеряетъ всякій видъ принужденности по отношенію къ дѣтямъ, если оно будетъ направлено не столько на сообщеніе дѣтямъ опредѣленныхъ истинъ вѣры и правилъ нравственности, сколько на развитіе въ нихъ религіознаго чувства вообще, религіозной настроенности, если оно не будетъ омрачаться никакими дурными отбѣтками отбѣтовъ по Закону Божію, не будетъ соединяться ни съ какимъ страхомъ оставленія на невтворительный годъ въ классѣ или увольненія изъ заведенія за неуспѣшные баллы по Закону Божію. Въ этомъ мнѣніи, какъ мы указали уже выше, полная непринужденность въ занятіи Закономъ Божіимъ считается кореннымъ условіемъ прочнаго насажденія въ сердцахъ дѣтей религіозно-нравственныхъ убѣжденій.

Но спрашивается: какою-же силой будутъ привлекаться воспитанники къ урокамъ Закона Божія, если будетъ предоставлена имъ полная свобода отношеній къ преподаванію Закона Божія, если они будутъ безответственны за вѣру или невѣріе предъ обществомъ, въ которое выпуститъ ихъ школа только съ ученымъ дипломомъ? Скажутъ: искусство преподавателя, внутреннее достоинство самыхъ уроковъ Закона Божія должно оказывать притягательное дѣйствіе на учениковъ, непреодолимо привлекать (какъ-бы очаровывать) ихъ къ урокамъ Закона Божія, и ничего болѣе. Но если законоучитель будетъ владѣть даже идеальнымъ искусствомъ преподаванія, можно-ли твердо и положительно надѣяться, что воспитанники будутъ исправно посѣщать его уроки? Всегда-ли холодность и невнимательность къ пастырскимъ бесѣдамъ имѣютъ причиной недостатки этихъ бесѣдъ? Самъ Господь проповѣдывалъ на землѣ, и однако Его божественная проповѣдь не всѣхъ слушателей дѣлала Его послѣдователями; не всѣхъ склоняли къ вѣрѣ христіанской своей боговдохновенною проповѣдью и апостолы. Мы слышали, что недавно скончавшійся препрославленный витія нашего времени далеко не могъ похвалиться обиліемъ слушателей его проповѣдей въ храмѣ. Не нужно забывать, что сердца человѣческія имѣютъ не одну склонность къ добру, но и, едва-ли не преобладающее, направленіе къ злу, и въ этомъ-то натуральномъ, наследственно-грѣховномъ настроеніи нашего сердца часто и встрѣчается себѣ камень преткновенія самое сильное, искуснѣйшее исполненное побужденіе человѣка къ добру. Такимъ образомъ при свободномъ отношеніи къ урокамъ Закона Божія со стороны воспитанниковъ даже наилучшій, способнѣйшій и опытнѣйшій законоучитель рискуетъ остаться безъ учениковъ. Да и къ чему слушать его уроки? Если все дѣло законоучителя должно состоять въ томъ, что-бы развивать и укрѣплять религіозное чувство въ дѣтяхъ, а не наполнять ихъ разумъ религіознымъ знаніемъ, то родители могутъ надѣяться на выполненіе этой задачи и самолично, а воспитанники могутъ считать это дѣло излишнимъ для себя, пока чувствуютъ себя и безъ пастырскихъ бесѣдъ искренно и твердо вѣрующими. Если-же нѣкоторые изъ нихъ почувствуютъ въ себѣ подъ вліяніемъ антирелигіозныхъ воздѣйствій колебаніе или потерю вѣры, то всякій трудъ укрѣпленія ея уроками законоучителя найдутъ для себя тщетнымъ.

неспособный возстановить въ нихъ то, что, по ихъ мнѣнію, изчезло навсегда и по разумнымъ основаніямъ. Такъ, преподаванія Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ неизбежно приведетъ къ пустотѣ классовъ въ часы уроковъ Закона Божія.

Но допустимъ, что и родители, и дѣти будутъ ясно и глубоко сознавать пользу и необходимость уроковъ Закона Божія и что самыя уроки эти будутъ владѣть чарующею силой притяженія къ себѣ слушателей. Возможна ли даже при этомъ предположеніи надежда на исправное посѣщеніе воспитанниками уроковъ Закона Божія при абсолютной безответственности воспитанниковъ за эти уроки? Здѣсь необходимо принять во вниманіе слабость и ограниченность духовныхъ и физическихъ силъ воспитанниковъ съ одной стороны и сложность и обременительность занятій ихъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ другой, и мы не удивимся, если при рекомендуемой д—ромъ Визе новой постановкѣ преподаванія Закона Божія воспитанники часы уроковъ Закона Божія превратятъ въ благопріятныя часы занятій по другимъ обязательнымъ для нихъ предметамъ, отъ успѣха въ которыхъ будетъ зависѣть вся ученическая ихъ судьба. Развѣ не превращены теперь изнемогими отъ недѣльных трудовъ воспитанниками дни воскресные и праздничные въ дни отдыха, или свободнаго времени для занятій, которымъ не доставало времени въ продолженіи недѣли, при чемъ о посѣщеніи церковныхъ службъ не можетъ быть и рѣчи, и часто это дѣлаютъ они вопреки своей волѣ, своему желанію помолиться Богу въ храмѣ и съ согласія, опять невольнаго же, своихъ родителей. Хотятъ-ли, что-бы и на урокахъ Закона Божія воспитанники отсутствовали по той-же печальной необходимости, по которой не являются они иногда въ храмъ на праздничныя богослуженія?

Но пойдѣмъ еще на дальнѣйшую уступку: согласимся, что воспитанники всѣ добровольно и исправно будутъ посѣщать необязательныя бесѣды законоучителя. Сохранится-ли въ нихъ что либо прочно отъ этихъ бесѣдъ? Не думаемъ. Если воспитанники найдутъ время для слушанія уроковъ Закона Божія, то во всякомъ случаѣ при множествѣ другихъ занятій не найдутъ свободнаго времени для воспроизведенія въ себѣ этихъ уроковъ, для того, чтобы подъ впечатлѣніемъ даннаго урока каждый разъ, такъ сказать, входитъ въ себя и давалъ себѣ отчетъ въ слышанномъ отъ законоучителя. Да и когда имъ заниматься такимъ свободнымъ дѣломъ, если они едва справляются съ обязательными для нихъ уроками? А между тѣмъ, безъ повторенія, безъ внутренняго отчета въ томъ, что слышали они отъ законоучителя, уроки Закона Божія не оставляютъ въ нихъ никакого прочнаго слѣда, не сообщаютъ имъ яснаго, правильнаго и твердаго знанія истинъ вѣры и привилъ христіанской нравственности.

Но быть можетъ имѣется въ виду укрѣпить въ нихъ одно чувство, а не обогатить ихъ знаніемъ, развить ихъ сердце, а не умъ? Но какъ можно сердцемъ вѣровать, а умомъ не знать? При недостаткѣ опредѣленнаго религіознаго знанія, основывающагося на твердыхъ данныхъ, всякое ученіе противное религіи не охладитъ-ли религіознаго чувства и не внесетъ-ли на его мѣсто въ сердце человѣка скептицизмъ или даже вражду противъ вѣры? Нельзя забывать, что урокамъ законоучителя предъ лицомъ воспитанниковъ часто противостоятъ внушенія людей отвергающихъ религію, подрывающихъ всякое ея достоинство. Поэтому, если воспитаннику не будетъ доставать твердаго знанія истинъ вѣры и ихъ основаній, что неизбежно при свобод-

номъ отношеніи воспитанниковъ къ урокамъ Закона Божія, то въ его сердцѣ легко будетъ вытѣсниться религіозная вѣра антирелигіозными ученіями. Во всякомъ случаѣ развитіе одного сердца въ религіозномъ воспитаніи учениковъ, возбужденіе одного чувства, не регулируемаго въ своей жизнедѣятельности правильнымъ религіознымъ знаніемъ, породитъ только бесполезный для спасенія души и разслабляющій всѣ душевныя силы человѣка мечтательный мистицизмъ, въ свою очередь являющійся пригодной почвой для рационализма, на основѣ таинственныхъ догматовъ вѣры создающаго систему произвольныхъ положеній ограниченаго человѣческаго разума въ замѣнъ богооткровеннаго ученія.

Далѣе, если учебники по Закону Божию подвергнутся остракизму, изгнанію изъ школъ; если все содержаніе ихъ будетъ осуждено, какъ мертвая буква, ледящая сердце юноши, то въ чемъ же собственно будетъ состоять преподаваніе? Кто раскроетъ намъ смыслъ словъ д-ра Визе: «обязанность законоучителя вводитъ воспитанника безъ учебниковъ въ пониманіе Библии, въ міръ Свящ. Писанія?» Мы видимъ въ этихъ словахъ, какъ скоро въ нихъ противопоставляется что-то опредѣленнымъ учебникамъ по Закону Божию, пустыя, бессодержательныя фразы, и ничего болѣе. Развѣ учебники всѣмъ своимъ содержаніемъ не утверждаютъ на ученіи Свящ. Писанія; развѣ они не выработаны нуждой, не порождены жизнью, самой практикой законоучительства, не вызваны на свѣтъ необходимостью въ цѣляхъ лучшаго преподаванія Закона Божія? И не представляютъ ли они систематически—осмысленнаго, цѣльно и законченно-изложеннаго ученія того, что именно заключается въ Библии? Но, быть можетъ, они сухо изложены? Но, во первыхъ, это—не правда по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ частей Закона Божія. Во вторыхъ, учебники Закона Божія, какъ учебники вообще, представляютъ собой лишь необходимый для повторенія воспитанниковъ конспектъ научнаго предмета, остовъ науки. Внести въ этотъ конспектъ живое полное интереса содержаніе, покрыть плотію и жилами остовъ науки, оживотворить науку—дѣло учителя. Но безъ учебнаго руководства при безусловномъ пренебреженіи учебниками, какъ бесполезнымъ хламомъ старой учебной практики, что же будетъ дѣлать законоучитель? Прямо, лично, какъ Богъ на душу положить, безъ системы, безъ порядка будетъ вводить воспитанниковъ въ міръ Свящ. Писанія, смѣшивая въ безраздѣльной массѣ и факты, и догматы, и правила нравственности, и обряды церкви и все это толкая по своему личному разумѣнію?.. Пощадите! Это внесетъ вмѣсто осмысленности и оживленности и вмѣсто единства и законченности такой сумбуръ, разногласіе и неполноту въ дѣло законоучительства, вредныя послѣдствія которыхъ не легко будетъ исправить.

Наконецъ, уничтоженіе экзаменовъ по Закону Божию въ учебныхъ заведеніяхъ не будетъ ли означать отреченіе государства отъ всякаго надзора надъ тѣмъ, вѣрующими, или невѣрующими въ Бога будутъ выступать на жизненную арену образованныя слуги отечества? не поведетъ ли это къ тому, что государство при индифферентномъ отношеніи къ религіозному состоянію духа воспитанниковъ можетъ оцѣнить выше совершенныхъ атеистовъ изъ нихъ, чѣмъ глубоко вѣрующихъ и предоставить первымъ всѣ выгоды и преимущества по положенію въ обществѣ и пренебрегать послѣдними, какъ мало полезными для общества? По нашему мнѣнію, такое невозможное самоотреченіе правительства отъ оцѣнки воспитанниковъ со стороны ихъ религіознаго настроенія было бы равносильно изгнанію Закона

Божія изъ школъ, и поэтому на всякій совѣтъ объ уничтоженіи экзаменовъ по Закону Божію мы смотримъ какъ на искусительный совѣтъ отъ лукаваго, замаскировавшаго злокозненную цѣль — распространить и въ нашей православной странѣ подражаніе безбожному распоряженію, чѣмъ когда прогремѣвшему на весь міръ, французскаго правительства объ уничтоженіи официального преподаванія Закона Божія въ школахъ.

Ко всему сказанному не можемъ не присоединить еще слѣдующихъ замѣчаній. Нелѣпо думать, что всякое принужденіе къ изученію Закона Божія исключаетъ малѣйшую долю свободы или личной охоты ученика къ этому дѣлу: развѣ не могутъ воспитанники видѣть и понимать, что внѣшнее принужденіе къ слушанію уроковъ Закона Божія выражаетъ не что иное, какъ только разумную необходимость, или собственную внутреннюю потребность ихъ духа знать о Богѣ, вѣра въ Котораго насаждена въ немъ отъ природы? Нелѣпо также думать, что при руководствѣ учебниками невозможна живая бесѣда законоучителя съ учениками и, наконецъ, странно и смѣшно утверждать, что экзамены и вообще оцѣнка знанія учениковъ по Закону Божію способна уничтожить въ нихъ чувство вѣры въ Бога или религію. Развѣ до сего времени религіозная вѣра воспитанниковъ не соединялась съ оцѣнкой успѣховъ ихъ въ изученіи Закона Божія и развѣ кто можетъ сказать про себя самого, что у него религіозное чувство исчезло отъ существованія экзаменовъ или вообще отъ оцѣночныхъ балловъ по Закону Божію? Напротивъ, не все ли истинно религіозные люди изъ свѣтскаго міра съ признательною памятью относятся къ тѣмъ изъ своихъ законоучителей, которые не давали повода своимъ воспитанникамъ пренебрегать важнѣйшею обязанностию изученія Закона Божія. Утверждаютъ, что нужно совершенно выдѣлить преподаваніе Закона Божія изъ ряда другихъ предметовъ учебнаго курса и только при этомъ выдѣленіи возможно ожидать пользы отъ изученія Закона Божія. Но, конечно, всякій здравый разумъ долженъ согласиться, что не отъ того можетъ быть польза, если Законъ Божій лишится всякаго значенія въ ряду учебныхъ предметовъ, а лишь отъ того, если онъ поставленъ будетъ не формально и на бумагѣ только, а истинно и дѣйствительно несравненно выше всѣхъ предметовъ въ учебномъ курсѣ каждой школы; если при неуспѣхѣ въ Законѣ Божіемъ и при несомнѣнной внутренней безрелигіозности воспитанника всякій успѣхъ его въ другихъ учебныхъ предметахъ будетъ признанъ лишеннымъ всякаго значенія; если вообще въ сознаніи и воспитанниковъ, и всего нашего общества будетъ глубоко укорененъ взглядъ, что искренняя вѣра, твердое религіозное убѣжденіе составляетъ первое, существенное и абсолютно необходимое требованіе отъ всякаго образованнаго челоука для блага государства.

Свящ. Г. П—скій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОТЪ СОВѢТА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Члены Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія приглашаются въ очередное засѣданіе, имѣющее быть сего 18 марта, въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ вечера, въ залѣ Епархіальной биб-

ліотеки, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ Петровкѣ.

И. В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ *).

Неизданныя произведенія.—Пушкину.—О 1 марта.—На смерть Скобелева.—М. Филарету.—Тяжелое душевное настроеніе.—„Золотой токъ“.—О цѣнѣ людямъ.—О людскомъ равнодушіи.—„Къ морю“.—„Жизненные пути“.—Объ измѣнѣ поэзіи своему призванію.—На кончину „Молванъ“.—„Прогрессъ“.—„Журналистъ“.— На день памяти св. Алексія, митрополита московскаго.

Прежде чѣмъ идти дальше въ обзорѣ публицистической дѣятельности И. В-ча, остановлюсь нѣсколько на его бумагахъ, не попавшихъ въ печать. Къ сожалѣнію, число ихъ значительно сократилось, благодаря тому, что большая часть его стихотворныхъ, повѣствовательныхъ и другихъ литературныхъ опытовъ пропала при переѣздѣ на другую квартиру, о чемъ онъ неоднократно сѣтовалъ, вмѣстѣ съ картономъ въ которомъ они были положены. Сохранившіеся, въ большинствѣ безъ всякой помѣтки года, были связаны имъ въ одну пачку и относятся, по видимому, ко времени отъ 80 до 84 года. Онѣ не безынтересны и въ литературномъ и въ біографическомъ отношеніи. По поводу открытія памятника Пушкину въ 1880 г. для дѣтскаго журнала онъ писалъ стих. «Пушкину», въ которомъ по своему, идеально смотритъ на поэзію Пушкина, провидитъ за внѣшнимъ вѣчное и трогательно и поучительно говоритъ о дѣйствіи этой поэзіи на свою душу:

Святой любви пѣвецъ высокий,
Твой стихъ плѣнялъ меня не разъ.
Ты совмѣстилъ въ немъ все за-разъ
И прелесть риѣмъ и умъ глубокой.
Преданья чудной старины
Предъ нами въ звукахъ оживляя
И звуки въ риѣмы оправляя
Являлся къ намъ ты съ вышины,
Тревожимъ сладостной мечтой,
Что лиры дивныя созданья
Творя въ сердцахъ очарованье
Исполнять ихъ любви святой.
И сей любви благое сѣмя
Во мнѣ быть можетъ оживетъ
И въ царство Вѣчное введетъ,
Когда сложу земное бремя.

Въ послѣдствіи онъ посвятилъ особый очеркъ важному значенію Пушкина для Россіи.

Отозвался И. В. и на всероссійскую скорбь 1 марта 1881 г. «Хотѣлъ было писать къ Вамъ, читаемъ на почтовомъ листкѣ безъ всякой помѣтки и обращенія, тотчасъ подъ первымъ впечатлѣніемъ такого ужаса, но слова сперлись въ груди, рука дрожала, слезы заволакивали глаза—писать было положительно невозможно. Да и что было писать, выражать свои чувства — да ихъ въ эти минуты не было: скомканныя, подавленные, онѣ, казалось, умерли. Да и что пользы писать, развѣ есть на свѣтѣ слова, которыя бы выразили всю полноту чувства, всю скорбь о такой утратѣ. Преступленію нѣтъ мѣры: русскіе могутъ похвалиться, что послѣ распятія Спасителя ими

*). См. № 10 „Моск. Ц. В.“.

совершено самое великое злодѣяніе, что палму первенства они уступили только евреямъ... Совершилось, нѣтъ болѣе съ нами любимаго Царя, непорочная душа вознеслась къ небу... «Душа ничтожная, рука проклятая лишила насъ Царя, читаемъ на другомъ листкѣ, и Русь безславная, стыдомъ объятая, сошла съ алтаря. На лицахъ скорбь видна и за слезой слеза стекаетъ съ грустнаго лица. Стыдомъ напоена и жетъ и жжетъ глаза за убиеннаго отца».

Послѣдовавшая въ 1882 г. внезапная смерть Скобелева глубоко поразила И. В. Среди тяжкаго политическаго положенія, среди упадка русскаго духа эта потеря была особенно чувствительна. Стихотвореніе И. В. хорошо передаетъ впечатлѣніе смерти на роднаго героя:

НА СМЕРТЬ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

Не орелъ подь мѣткой пулею
Распластавшись на землю летить,
Не рѣка шумить, разливаясь,
По травѣ-муравѣ растекается.
А душа-герой, человѣкъ-удалець,
Русской вѣры боець, русской силы ядро
Палъ, какъ травка, сѣрпомъ подшошенная,
Палъ на русской землѣ, въ стольномъ городѣ...
Горе, горе тебѣ, русской матери,
Горе дѣтямъ твоимъ, горе внукамъ твоимъ,
Развелася бѣда на Святой Руси...
А давно-ль ты, Русь, красовалася
Въ небеса крестомъ упиралася
И горѣлъ твой крестъ, какъ звѣзда въ ночи,
И шумѣлъ твой звонъ, звалъ къ заутрени,
А народъ чужой склонялъ голову
На пустую грудь, на холодную
И мечты будилъ, словамъ вѣровалъ,
И словамъ, какъ богамъ, фиміамъ курилъ.
Гдѣ-жь вы славные годы, вы годы былые,
Гдѣ лазурная слава, гдѣ мощная сила,
Гдѣ разума царство и русское чувство!!!
Гдѣ кладезь нетлѣнный цѣлительной вѣры...
Заглохло все съ вѣкомъ, запылилось пылью,
Ослабѣло слово, скрылся свѣтъ разумъ,
Не стало терпѣнья жить на свѣтѣ людямъ.

Вѣроятно къ 82 г. относится стихотвореніе:

М. ФИЛАРЕТУ.

Твой образъ высокій встаетъ предо мною,
Когда мои мысли, какъ черныя волны
На бѣдное сердце нагрянутъ войною
И бьется въ тревогѣ ничтожное сердце,
И силъ нѣту властной державной рукой
И сердце и мысль смирить другомъ передь другомъ.
И грустью, тоскою охватить горячее тѣло
И хочется бѣгству предаться, покрыться землею...
Тогда-то какъ свѣтъ изъ небеснаго края
Приходишь ко мнѣ ты и окомъ пытливымъ
Взираешь, какъ сердце готово на части распасться...
И смотришь ты долго и взглядъ твой такъ ровень,
Означень такой красотой, глубиной,
Какъ бездна морская въ часъ тихій покой...

Эта тоска, отъ которой ему хочется «покрыться землею», вѣроятно особенно сильно овладѣвала имъ въ тяжкія минуты недуга, частые приступы котораго отнимали бодрость духа, который, изнывая отъ немощи физической, томился вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ сознанія своего безсилія воплотить, осуществить, какъ ему хотѣлось, свои широкія и разнообразныя стремленія. Нѣсколько листовъ содержатъ мелко переписанныя имъ стихотворенія разныхъ поэтовъ. На выборѣ ихъ сказывается то же настроеніе. Стих «Воля» начинается словами: «Мать моя злая кручина». Стих «Молитва» прямо отражаетъ его мысли: «Молю Святое Провидѣнье, Оставь мнѣ тягостные дни, Но дай желѣзное терпѣнье, Но сердце мнѣ окамени». Тамъ же читаемъ «Желаніе» Хомякова, «Три ключа» Пушкина. Сильно выражается томленіе души и въ его собственныхъ стихотвореніяхъ:

Горе мое неотвязное,
Горе горькое небоязное
Отойди отъ меня,
Пожалѣй хоть себя,
Свою волюшку,
Свою долюшку
И печальную
И страдальную.
Цѣлый вѣкъ сидѣть,
Цѣлый вѣкъ глядѣть,
Наблюдать за мной,
Какъ бы въ край родной,
Не ушелъ домой,
Въ край, гдѣ горя нѣтъ,
Гдѣ цвѣты да свѣтъ
Улыбаются,
Будто съ милою повстрѣчаются.
Вѣкъ ходить съ бѣдой
Да грозить клюкою
Счастью ветрѣчному
Вѣковѣчному
Безсердечному.
Злое счастье все съ напастію
Рука объ руку, нога объ ногу
Совершаютъ путь... и не разъ вздохнуть
По могилѣ своей заставляютъ людей...
Такъ и нынче тоска, какъ отъ гроба доска
И печалить, и жжетъ, и стыдить и гнететь.

Другое стих. такъ рисуетъ это волненіе и жаръ тоски:

Щеки алой зарей, точно небо весной
Покрываются.
И душа вся въ огнѣ, будто сѣно въ коннѣ
Загорается.
Лишь Господь, да семья сохраняютъ меня...

Изъ строкъ, въ которыхъ И. В. изливалъ свою душу, мы можемъ, кажется, поглубже заглянуть въ нее. Не одна немощь томила ее: томили ее, лишая спокойствія, тревожили отзывчивое сердце и замѣчаемые имъ вокругъ людскіе недостатки, печали и угнетеніе добра, попираніе правды и любви; безмятежное счастье при подобной обстановкѣ казалось ему похожимъ на равнодушіе. Таковъ смыслъ аллегоріи, которую находимъ на листкѣ помѣченномъ 16 іюля 1882 г.:

«Въ краю далекомъ на пышномъ востокѣ выросъ однажды золо-

той цвѣтокъ и невиннымъ личикомъ взглянулъ на небо. Небо заалѣлось зарею и задернулось волнистымъ облакомъ. Затѣмъ выглянуло солнцемъ, улыгнулось луною, убралось прощальными звѣздами, перевилось радугой и закрыло страстныя очи. Потемнѣло городное чело, чело юности и чистоты, громовыми рыданьями наполнились города и пажити земныя и огонь пламенныхъ глазъ омочился текучими слезами. Одна за другою каплями алмаза стучали онѣ о земную грудь и вѣтромъ вырывались изъ нея могучіе вздохи. Колеблемые вѣтромъ, мучимые жалостью цвѣты никли, склонялись, ложилась трава, блестя росистыми разноцвѣтными слезинками... Одинъ только золотой цвѣтокъ улыбался, испуская благоуханіе богатства и безмятежно озираясь кругомъ. Онъ смотритъ на небо и не замѣчаетъ его переменъ, онъ видитъ земное горе и оно не жжетъ его золотого лепестковаго сердца. Одинъ онъ спокоенъ, одинъ счастливъ и счастливъ и спокоенъ потому, что не испытываетъ ни того, ни другого. Такъ встрѣчается счастье съ любовью, веселость со страстью и кажется, что счастье и веселость походятъ на равнодушіе, а любовь на горе... хотя счастье—чистое золото, а любовь—небесная пища... Тамъ же находимъ слѣдующую замѣтку отъ того же числа: «смотрю на луну слипающимися глазами и вижу ее въ трижды большую настоящей. Свѣтовой кругъ, лучезарное сіяніе окружаетъ ее и всему виной заспаные глаза. Когда хочешь знать настоящую цѣну людямъ, протри глаза, умой ихъ или еще лучше вооружи ихъ астрономическомъ стекломъ, подумавши приблизительно, что то за стекло, чѣмъ оно отъ обыкновеннаго отличается и какія свойства имѣетъ», нѣсколько строкъ стих. начинающагося словами: «Вотъ встаетъ передо мной легкій образъ неземной» и начало разсужденія: «Что есть патриотизмъ». Порывы къ счастью, горечь о людскомъ равнодушіи и холодности слышатся въ другомъ лирическомъ отрывкѣ, безъ даты. Мысли его обращены здѣсь не къ холодному ограниченному человѣку, а къ природѣ,—бурному, обширному морю, но это море—какъ кажется, опять то же, ближе стоящее къ нему, море житейское:

«То была свѣтлая, но глухая ночь: мнѣ не спалось. Лучи мѣсяца, смотрѣвшаго въ окно и прохладный лѣтній воздухъ выманили меня изъ комнаты. Тихо, вдыхая воздухъ, побрелъ я по знакомой тропинкѣ и вотъ блеснуло передо мною море. Ворча шлепались о берегъ сонныя волны, робко набѣгали онѣ на обрывистую скалу, единственную въ нашей мѣстности и послѣднюю бѣжали назадъ, точно напуганныя произведеннымъ шумомъ. Больше другого любилъ я это мѣсто и даже облюбовалъ на немъ себѣ укромный уголокъ надъ скалой, въ двухъ шагахъ отъ прибоя волнъ. Привычка привела и нынче ночью меня на это мѣсто, она же и усадила меня и погрузила въ обычныя грезы. Все было тихо, но вотъ раздался шагъ и громкій, какой-то страстный голосъ. Я вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Надо мной, очевидно на скалѣ, раздавался чей то мощный, гремящій голосъ. Онъ проникъ глубоко въ мою душу и еще понынѣ тамъ.

Море, о море, ты ли это море. Ты ли утихло, ты ли не воешь? Гдѣ же твои черныя волны, гдѣ пѣна, гдѣ стонъ и вой твой? И ты стало мирно, одѣваешься свѣтлой лунной одеждой, блестяшь алмазами. Успокоилось непокорное, заснуло, чуть трепещешь... А тебѣ ли покоиться, морю; глубинѣ твоей ли гложуть и крыться пѣсенью? Твоей ли дикости, твоей ли удали дремать подъ свѣтомъ да алмазами! Тебѣ ли переменяться было, богатырю океану! Куда же силы растратилъ свои, зачѣмъ успокоился, скажи зачѣмъ?! А я то безумецъ, а я то

глупый, бѣжалъ къ тебѣ, летѣлъ къ тебѣ! О, вы надежды пустыя, слѣпыя—вы губите людей въ конецъ. Могила вы вырыли мнѣ, впили туда меня живаго. Да я живъ еще, живъ живъ, не умеръ. Напрасно думалъ я, что я омертвѣлъ и мертвъ. О счастье, блаженство, я живъ! Ха-ха-ха, живъ. Я живъ, а ты ничтожное, сонное море, ты умерло! О горе, горе безысходное о ты горе, пучина бездонная. Тебѣ бы застыть, тебѣ бы проклятое умереть на вѣки. Что со мной! О море, широкое, великое, откликнись на зовъ мой. Море, море, что молчишь ты не мучь меня, брось равнодушіе: все въ равнодушіи на свѣтъ мать, братья, пріятели. Очертя голову вдругъ все бросилъ я—все для тебя оставилъ. Увижу, мыслить, и все проснется во мнѣ; камни растають, смерть оживетъ въ тѣлѣ моемъ; проснется, думалъ, сонное сердце—и что же! Равнодушно море—само заснуло ты жалкое, не дождалось друга, омертвѣло. Но нѣтъ, быть не можетъ, я не хочу этого, море, слышишь ты безумное, я не хочу чтобы ты спало: проснись холодное, потопа алмазы, засверкай гнѣвомъ, загреми, запою, удалю, безконечную пѣсню: пахни вѣтромъ, нагusti тучи, закрой эту сладкую ледяную луну, потопа ее.

Что же ты другъ мой, что же пріятель, почему не слышишь меня? Обрадуй меня, напхни мнѣ старое молодое время. Но нѣтъ, ты молчишь, неумолимое, видно разлюбило меня!... Ахъ нѣтъ, не то, ты удивляешься мнѣ: а я то до сихъ поръ не понимаю тебя. Ввысшей степени поэзіи, что говорится дальше о любви къ морю, хранилось въ тайникѣ сердца. Молчи объ этомъ, говоритъ онъ морю, никогда никому не проговоришь. Не проговоришь болтливому вѣтру, не вынеси моей тайны рѣкамъ, что льются по свѣту. Что это пахнуло вѣтромъ? Вѣтеръ, вѣтеръ, лети прочь скорѣй, у насъ съ моремъ нѣтъ тайнъ: оно меня любитъ. Лети же вѣтеръ, лети далеко на землю въ города и села, лети къ мѣсяцу на свѣтлое небо, но не шепчись съ нимъ—онъ холоденъ, онъ не лучше людей».

Мысли о личномъ бездолии, о людской низости сливаются у И. В. съ печалью и гнѣвомъ на пагубныя заблужденія, съ которыми онъ ратовалъ. Подъ влияніемъ этихъ сложныхъ чувствъ начато имъ, повидимому стих., не доведенное до конца, которое можно бы назвать «Дорога» или «Жизненный путь»:

Шелъ я однажды дорогой, слѣпой и убогой. Былъ я силенъ молодецъ, а глазами слабъ. Мой ударъ былъ силенъ какъ молотъ, но во тьмѣ бродилъ я какъ рабъ. По пути я знакомому плелся, отдыхая подъ дубомъ порой; но со мною идти по тому же пути, той же самой тропой, никто изъ толпы не нашелся. Посему одиноко и вдаль и недалеко, я въ сермягѣ простой, съ переметной сумой, да съ тяжелой клюкой совершалъ какъ нибудь свой намѣченный путь. По доламъ и лѣсамъ я, не вѣря глазамъ, проходилъ осторожно; щупалъ вѣрной клюкой каждый шагъ предъ собой, гдѣ опасно пройти и гдѣ можно, гдѣ удобно и гдѣ бездорожно.

Побывалъ я въ мѣстахъ, гдѣ и солнце свѣтлѣй, гдѣ и пѣсни звончѣй и пѣвецъ соловей говорливѣе; гдѣ и люди въ рѣчахъ меньше судятъ другихъ, больше любятъ своихъ, скорбь несутъ за двоихъ—терпѣливѣе. Побывалъ я и тамъ, гдѣ всѣ подлы равно, а по главной идеѣ должно быть имѣнье у всѣхъ за одно; гдѣ поруганъ божественный храмъ, гдѣ позорное рабство и срамъ, уже бросилъ и очень давно свою волю и честь за овно. Побывалъ я и тамъ, гдѣ науки оказались не чисты на руки...

Рабство мысли, которое распространялось не народнымъ направлениемъ печати особенно огорчавшее И. В. составляло предметъ

постоянныхъ размышлений: половина уцѣлѣвшихъ стихотвореній касается этого именно явленія. Особенно ему должно быть обидно, что даже поэзія, воплощеніе красоты, извѣдала своему призванію. На ряду съ рѣзкой эпиграммой на Минаева, находимъ у него слѣд. стихотвореніе:

Тучка за тучкой проходить по небу
Принося лучезарному Фебу
Вѣсти горя на крыльяхъ эфира
Изъ далекаго брэннаго міра.
Возвѣщаетъ одна: «умирають
Другъ за другомъ друзья вдохновенья,
А другіе за деньги мѣняютъ
На фиглярство дары пѣснопѣнья».
— «Твои слуги, вѣщаетъ другая,
Позабыли небесные звуки.
Огрубѣло ихъ сердце и руки,
Ненавистна имъ пѣсня святая».
Такъ толкуя про вѣсти печали
Тучки мимо спѣша пролетали,
Оставляя печальнаго Феба
Одного горевать среди неба.

Въ характеристикѣ печати относится эпиграмма на газету «Молвы», стих. на кончину «Молвы», «Прогрессъ», на журналъ. Юмористическое изображеніе прекращенія изданія «Молвы» довольно длинное стих., напоминающее подобныя же произведенія П. Алмазова, сочиненія котораго И. В. весьма цѣнилъ. Пожеланный настолько извѣстіемъ о кончинѣ Молвы, что лишился аппетита и похуѣлъ за одну ночь, авторъ рѣшился отправиться лично въ Петербургъ узнать о причинѣ печальнаго событія; на дорогѣ онъ съ отчаяніемъ видитъ, что никто не огорченъ происшествіемъ и даже ничего о немъ не знаетъ. Самого издателя не удается обнаружить даже нѣтъ въ Петербургѣ. Онъ рѣшается спросить швейцара: «А не знаешь ли, братецъ, причины, почему пересталъ ли отъ барина ты, кто виновникъ злобщей кончины, кто убійца газеты Молвы?» — «Какъ сказать, отчего околѣла, никто разнo толкуетъ народъ: Говорятъ, что все падалъ вишь баринъ, ну вѣстимо не вынесъ животь. Говорятъ, что съ полушкой въ карманѣ на полтинникъ спѣсива была, и построивши жизнь на обманѣ, легкомысліемъ жизнь извела. Говорятъ что съ «Страшнoю» тягаться, какъ тягалось лягушка съ воломъ, она стала — нахѣтѣть, надуваться, ну и лопнула, значитъ потомъ. Говорятъ будто сглазилъ однажды ее вашъ олимпіецъ Катковъ, поглядевши язвительно дважды, бормоча про паденье основъ». Въ ст. «Прогрессъ» разсказывается исторія покупки прогресса и работу доставить его на Русь въ неповрежденномъ видѣ. «Купилъ я у нѣмцевъ прогрессъ.. Онъ соченъ и свѣжъ былъ и спѣлъ. Какъ солнце лучами насъ грѣлъ, лучами какъ солнце съ небесъ. Онъ насъ ослѣплялъ и блестялъ». Конгрессъ собранный имъ изъ сотрудниковъ русскихъ газетъ для рѣшенія вопроса, какъ доставить прогрессъ въ Россію, такъ «чтобы онъ сохранилъ и силу и свѣжесть» посовѣтовалъ завернуть его въ газетные листы. «Сказали и тотчасъ достали они изъ заднихъ кармановъ газеты свои». Развертывая привезенную ценную ношу, онъ былъ глубоко возмущенъ, увидавъ, что прогрессъ совершенно испортился въ дорогѣ. Краткая характеристика фариеса — журналиста, при которой имѣлся въ виду, вѣроятно, «Голосъ», дана И. В. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Онъ шумить и гремитъ, — извивается,
Передъ силой всегда преклоняется
И дорогу даетъ, и къ сторонкѣ идетъ улыбается.

И улыбкой дарятъ

И въ печать норовятъ

Дать ему всѣ указы — и чины и приказы.

Въ благодарность за это онъ ни красокъ, ни цвѣта

Для друзей не щадитъ, но за то говоритъ,

Что друзья его — сильные свѣта.

Опираясь на лестъ и поклоны, онъ минуетъ законы,

Но притомъ все такъ ловко проводитъ

Что сухимъ изъ болота выходитъ.

Его рѣчи для мысли отравя,

Руководитъ имъ польская справа.

Все имъ польское вверхъ возвышается,

Все имъ русское вонъ исторгается

И слѣва и справа».

Въ тому же ряду мыслей относится басня «О пастухахъ и волкахъ», можетъ быть, только намѣченная къ выполненію:

«Пастухи, чтобы не растерять овецъ завели собакъ и по неосторожности, обманутые сходствомъ, допустили въ ихъ число волковъ. Скоро стало овецъ убавляться, а между собаками поднялись постоянныя ссоры. Пастухи поняли въ чемъ дѣло и больно избили волковъ.

Число овецъ между тѣмъ все продолжало убывать, потому что волки не пропались наказаніемъ, но обратили его въ свою пользу. Они стали громко выть и разжалобили своимъ воемъ собакъ и овецъ.

Собакамъ они говорили, что пастухи избили ихъ за то, что они не выдали тѣхъ собакъ, которыя не устерегли овецъ, а овцамъ говорили, что это собаки поѣли овецъ и на нихъ же, волковъ, наклеветали. Собаки злы, а пастухи глупы — говорили они овцамъ и втихомолку драли ихъ по старому. Пастухи, узнавъ про это, снова наказали волковъ, а волки снова вывернулись. Будучи еще разъ наказаны, они прославили себя еще больше. Тогда наконецъ взялись пастухи за умъ и выгнали волковъ изъ среды собакъ, причисливъ ихъ уже не къ друзьямъ, а къ врагамъ овецъ».

Этотъ чуждый прогрессъ, чужое солнце, такъ давно палящее Россію, надѣется энъ, скоро однако долженъ будетъ уступить мѣсто родному русскому развитію. Таковы мысли, выражаемыя И. В. по поводу дня 20 мая, памяти святителя Алексія:

...Сегодня вѣдь день не простой:

День память вѣчно святой.

Того кто богатство свое,

Мірское имущество, злато

И духа богатство для брата,

Для нищаго брата отдалъ,

Кто силу и крѣпость Москвы

Ведомый рукой Іеговы

Предъ всею Россіей скрѣплялъ

И силой великой молитвы

Испрашивалъ ведро для жнитвы.

Кто съ тихою лаской своей

Царя наставлялъ и народъ,

Чье имя «святой Алексій»

Въ Москвѣ никогда не умретъ.

Труду посвящая все время,

Посылять онъ доброе сѣмя.
 И вотъ онъ почилъ отъ трудовъ
 И въ гробъ цѣтлѣнецъ лежитъ.
 Онъ ждетъ урожая хлѣбовъ,
 Но хлѣбы засуха мертвить.
 Ихъ жжетъ непривѣтное солнце,
 Проглянувъ въ Петрово оконце
 Ихъ сушить лучами оно
 И сердце и душу сушить:
 Безъ жизненной силы зерно
 Какъ черепъ въ могилѣ лежитъ.
 Святитель глядѣлъ и стекали
 Съ очей его слезы печали...
 Вотъ годы мелькая прошли
 И солнце надъ нашей землей
 Въ зенитъ наконецъ возвели.
 Всѣ люди предъ нимъ головой
 Поникли въ прельщеніи блеска,
 Но нынѣ съ очей занавѣска
 Ниспала и ясно для насъ,
 Что вѣчно не будетъ зенитъ,
 Пробьетъ уготованный часъ
 И солнце чужое бѣжитъ—
 И жечь нашу Русь перестанетъ
 И въ страхъ на западъ отпрянетъ
 Предъ новымъ свѣтиломъ земли,
 Которое долго росло
 Изъ жизненной искры любви
 И внутренней правдой свѣтло
 Подъ стягомъ свободы и Бога
 Восходитъ бѣдно и убого.
 Старинное платье на немъ
 И ликъ его блѣденъ и худъ,
 Но очи блистаютъ огнемъ,
 Зовутъ на работу и трудъ.
 Но слава былаго свѣтила
 Бездѣлю людей научила.
 И нужно побольше людей
 Съ дарами и жаждой труда,
 Которые бъ жизнью своей
 Пожертвовать Руси всегда
 Считали за высшее благо,
 Которымъ бы глупая сага
 Сплетенная дурнемъ простымъ
 И критика вышнихъ началъ
 Базалась занятѣмъ пустымъ...
 Не нужны намъ люди забавы,
 Искатели денегъ и славы»...

С. Р—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О РИСОВАНІИ.

Въ теченіи многихъ лѣтъ въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ и на страницахъ Моск. Церк. Вѣдом. помѣщались неоднократно замѣтки съ изясненіемъ важности и значенія рисованія во всѣхъ слояхъ общества, особенно необходимаго въ средѣ духовенства, какъ олюстителя зданій храмовъ, помѣщенныхъ въ нихъ св. иконъ, священныхъ изображеній и украшеній храма. Сверхъ сего духовнаго лица—главные руководители всего полезнаго въ жизни людей, посредствомъ собесѣдованій въ храмахъ, внѣ храмовъ и церковно-приходской школы. Особенно вліяніе духовенства важно среди селскаго населенія, живущаго исключительно трудами рукъ своихъ, гдѣ совершенно отсутствуетъ познаніе о искусствѣ рисованія, тогда какъ исполненіе всякаго труда требуетъ пониманія масштаба, плана и рисунка исполняемаго предмета, если же этого понятія объ искусствѣ не существуетъ, то трудъ производимыя въ селеніяхъ для удовлетворенія хозяйственныхъ и промышленныхъ потребностей—не могутъ быть изящны, прочны и скоро исполнены.

Для оказанія помощи въ развитіи понятій о искусствѣ предположено посредствомъ печати знакомить русское общество чрезъ періодическое изданіе, о которомъ въ распоряженіяхъ правительства выражено такъ:

Новое повременное изданіе.

„Рисованіе“

23-го января 1891 года разрѣшено исправляющему должности учителя рисованія въ 3-й московской женской гимназіи, надворному совѣтнику, художнику Дмитрію Михайловичу Струкову, издавать въ городѣ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, еженедѣльный журналъ, специально посвященный изученію рисованія, подъ названіемъ „Рисованіе“, по слѣдующей программѣ:

1. Законодательство о рисованіи и искусствѣ вообще.
2. Распоряженія правительства о рисованіи и искусствѣ.
3. Статьи о современномъ состояніи рисованія въ средѣ русскаго общества.
4. Историческій обзоръ рисованія въ Россіи и за границею.
5. О приложеніи рисованія къ труду ручному и фабричному.
6. О рисункахъ древнихъ памятниковъ.
7. Объ искусствѣ въ церквахъ.
8. О рисункахъ въ архитектурѣ.
9. Копіи съ древнихъ документовъ объ искусствѣ.
10. Библиографіи учителей рисованія, рисовальщиковъ художниковъ.
11. Разказы изъ жизни учителей рисованія по отношенію къ обученію рисованію.
12. Разборъ сочиненій печатныхъ по обученію рисованію.
13. Руководство для не имѣющихъ учителя рисованія черченія.
14. Объявленія: объ изданіяхъ печатныхъ по рисованію о матеріалахъ и инструментахъ, потребныхъ для рисованія черченія и живописи, объ урокахъ рисованія. Рисунки въ текстѣ и на особыхъ листахъ. Срокъ выхода еженедѣльный. Подписная цѣна за годъ пять рублей.

Пожертвованія:

Въ контору „Моск. Церк. Вѣд.“ въ пользу погорѣвшихъ свѣд. о. С. Руднева поступили пожертвованія:

1) отъ неизвѣстнаго—1 р. 2) отъ причта Клинской Свѣд. о. С. Руднева—3 р. Всего съ прежде постуившими 68 руб. 68 коп. Оныя деньги (68 р.) отданы священнику о. С. Рудневу лично.

Присемъ № прилагается Официальный отдѣлъ № 6-й 1891 г.

Типографія А. И. Снегиревой.

Москва, Остоженка, Савеловскій пер. соб. домъ.

Цензоръ
Архимандритъ Арсеній.

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.